

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ АРСЕНЬЕВ

(жизненный путь и творческое наследие
русского мыслителя)

А.П. Лысков

За последние 10–15 лет возвращены к жизни труды многих русских философов, либо насильственно высланных, либо вынужденных “добровольно” оставить пределы страны после Октября 1917 г. Их книги издаются, анализируются, комментируются. Идеи и мысли, высказанные и развитые ими, словно получают второе дыхание, вступая в живой диалог о судьбах мира, человечества и России. Некоторым исключением пока остается богатое наследие одного из ярких русских мыслителей XX в. Николая Сергеевича Арсеньева. Американский исследователь истории русской философии Н. Полторацкий считает его одним из “любимудров” старой русской эмиграции [18, с. 86]. Нельзя сказать, что имя и идеи этого мыслителя совершенно незнакомы российскому читателю. К творческому наследию Н.С. Арсеньева обращались А.И. Абрамов, Л.Г. Филонова, В.Е. Хализев и др. Тем не менее в большей своей части оно остается еще мало известным в России не только широкому кругу читателей, но и профессиональной научной и философской общественности.

Н.С. Арсеньев – русский философ и богослов, историк русской духовной культуры и литературовед (а также писатель и поэт), автор более 30 книг, десятков статей, очерков, рецензий, многие из которых были либо написаны, либо переведены на немецкий, французский, английский, польский и другие языки. Справедливо будет сказать, что лингвистическое разнообразие его работ отражает не только эрудицию, культуру и талант автора (Н.С. Арсеньев владел 12 языками), но и трудную судьбу человека XX столетия, вынужденного покинуть свою родину и испытать участь “странника на чужбине”. Обращение к творческому наследию мыслителя имеет смысл и значение не только само по себе, но и для воссоздания более полной картины развития русской религиозно-философской мысли XX в. вообще и истории русского философского зарубежья в частности.

Николай Сергеевич Арсеньев родился в 1888 г. в Стокгольме, в семье русского дипломата С.В. Арсеньева, 36 лет проработавшего за границей (его отец был тогда Российским генеральным консулом в Швеции). Но детство и юность будущего мыслителя прошли в России.

Семья Арсеньевых принадлежала к старинному русскому роду, который вел свое начало еще с первых столетий Московского госу-

дарства. История рода – история самой России. Один из предков Арсеньева был начальником штаба Суворова (Николай Дмитриевич Арсеньев (1754–1796) – боевой генерал, сподвижник Суворова, умерший от ран, полученных при взятии Измаила; воспет Байроном в поэме “Дон Жуан”). Юрий Васильевич Арсеньев (дядя Николая Сергеевича) – хранитель Московской оружейной палаты, известный археолог-историк и генеалог. Кстати заметить, и бабушка великого поэта М.Ю. Лермонтова (урожд. Столыпина) была Арсеньевой по мужу. Материнскую линию также украшают древние русские фамилии Хомяковых, Нарышкиных и др.; мать Н.С. Арсеньева, Екатерину Васильевну, воспитала бабушка – А.Н. Шеншина, урожденная Ермолова (двоюродная сестра знаменитого героя 1812 г. и “покорителя Кавказа”). Арсеньевы славятся своими богатыми духовными традициями, свято хранили память о прошлом, “*заветы предков*”, и эта верность заветам сочеталась в то же время с чуткостью к новому.

Глубокое религиозное воспитание, полученное Н.С. Арсеньевым в семье, было в целом вполне созвучно и общей атмосфере русского религиозно-философского ренессанса начала XX в. После окончания лицея в 1906 г. Арсеньев с уже сложившимся мировоззрением (которое он называл *философией сердца*, освещавшей смысл жизни и живой лик Божества), поступает на историко-филологический факультет Московского университета.

“Вдохновляющим и кристаллизирующим средоточием и основанием моего мирозерцания был Логос Божий, или, вернее, безмерное откровение любви Божией в “Сыне Любви Его” (Кол. 1–13). Это я принес из родительского дома...” [5, с. 98].

Значительную роль в духовном развитии Арсеньева уже в студенческие годы (историко-филологический факультет Московского университета) сыграли С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, В.С. Соловьев.

После окончания университета (1910 г.) Арсеньев был оставлен для подготовки к профессорскому званию и получил возможность поехать за границу в научные центры Мюнхена, Фрейбурга и Берлина (1910–1912 гг.). Вернувшись в Москву, с 1912 г. он работал при кафедре западноевропейской литературы, в марте 1914 был избран приват-доцентом Московского университета по той же кафедре. Восприняв идею “*соборности*” (славянофилы, С.Н. Трубецкой) как важнейшую характеристику православного духовного опыта, Арсеньев усматривал в ней суть культурно-исторического дела Церкви. Отстаивая значение мистической традиции в христианстве, он выступает против различных форм “мироотречного пессимизма”, доказывая, что именно путь христианской мистики ведет к их решительному преодолению. Увлеченность Арсеньева религиозно-философской проблематикой вылилась в целый ряд публикаций: “В поисках Абсолютного Бога” (М., 1910); “Плач по умирающему Боге” (М., 1912); “Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения” (Журнал министерства народного просвещения. 1913, янв.,

февр.). Религиозно-мистические интересы Арсеньева этого периода нашли отражение и в его более поздних публикациях уже за рубежом: “Античный мир и раннее христианство” и “Жажда подлинного бытия” (обе – Берлин, 1922). Вслед за Трубецким Арсеньев был склонен видеть глубокую связь христианства с предшествующей античной метафизикой.

События Первой мировой войны, а затем и двух революций 1917 г. (февраль и октябрь) прерывают его научную и педагогическую деятельность. В период первый мировой войны под влиянием сильных патриотических чувств Н. Арсеньев пытался пойти добровольцем на фронт, однако был забракован из-за плохого зрения. И все же с сентября 1914 по сентябрь 1916 г. он находился на северо-западном фронте (сначала в качестве помощника уполномоченного, а затем и уполномоченного Красного Креста). В сентябре 1916 г. курсом “Мистическая поэзия средних веков” Н. Арсеньев возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета. Специальные курсы по культуре и литературе средних веков и эпохи Возрождения одновременно читались им на Московских Высших женских курсах и в Московском Народном университете им. А. Шанявского. В период гражданской войны он некоторое время был в Красном Кресте при Белой Армии. (В своих воспоминаниях о П.Б. Струве С.Л. Франк пишет: “Позднее я узнал, что в конце 1917 года он (Струве. – А.Л.) был в Ростове, участвуя в Совете Добровольческой армии, и после оставления армией Ростова вернулся (вместе с кн. Г.Н. Трубецким и Н.С. Арсеньевым на лошадях в Москву (февраль 1918 года)” [20, с. 489].

В 1918 г. Н.С. Арсеньев избран профессором нового Саратовского университета, где деканом историко-философского факультета был С.Л. Франк. Здесь он читает несколько курсов по философии и истории русской и европейской культуры. Итогом его непродолжительной деятельности в Саратове было создание кафедры сравнительной истории религий (которая уже в 1920 г. была закрыта). Секретный документ соответствующих органов установившейся власти, разосланный в различные учреждения, призывал ее сторонников “следить за антисоветскими высказываниями и заявлениями в лекциях профессоров и сообщать о них в соответствующие инстанции”. В 1919 г. Н.С. Арсеньев был дважды арестован, содержался в тюрьме. В 1920 г., опасаясь очередного ареста, он нелегально переходит российско-польскую границу и после недолгого пребывания в Варшаве и Берлине, оказывается в Кёнигсберге.

Видение мира, характер и направленность творческой деятельности русского философского зарубежья во многом предопределила русская культура серебряного века. Философы и историки отмечают одну общую черту этой “предкатастрофической эпохи” – ее *синкретизм*, который проявляется всюду: в идеях, методологических

установках, спектре влияний, самом типе дискурса... “Всей русской религиозной философии, – пишет С.С. Хоружий, – присущ был смешанный и сращенный дискурс, сливающий философию и теологию... Сливались западные метафизические установки и православные мистические интуиции, догмат и фольклор, силлогистическое доказательство и нарратив... Границы жанра переходились так же легко, как границы метода” [21, с. 143]. Отмечается также, что философия серебряного века обладает “незаурядными, совсем не частыми для философии литературными достоинствами”. “Большинству ее авторов присущ был настоящий художественный дар”, и некоторые из их философских работ представляют, помимо прочего, еще и блестящую литературу. “Но у этого блеска не могла не иметься оборотная сторона: в текстах, в которых конституирование философского предмета вольно переходило в исповедь или проповедь, в эссеистику или лирико-романтический дискурс, это конституирование разве что изредка достигало строгости и законченности” [21, с. 143]. Эти емко и четко обозначенные черты эпохи могли находить разную степень своего выражения в творчестве того или иного ее представителя, они скорее дают лишь собирательный образ. Но этот “собирательный образ” оказывается на удивление точным “творческим портретом” Н.С. Арсеньева – философа и богослова, историка и литературоведа, писателя и поэта.

Уже в годы эмиграции в одном из писем Г. Флоровского можно встретить не лишнее иронического оттенка замечание о “*вездесущем Арсеньеве*”. Эта “вездесущность” имеет однако принципиальные основания. Исходной посылкой для многих русских философов служила мысль о невозможности разделять теоретическую и практическую сферу жизнедеятельности человека. Служба Отечеству понималась как исполнение сакрального долга, измена ему – как тяжкое преступление. Русскую философскую мысль с момента зарождения до сего дня отличает рассредоточение во всем контексте культуры [16, с. 54, 57]. С этим и связана разработка идеала “целостности” как синтетического единства теории и практики, мысли и действия (“соборность” у славянофилов).

“Счастье, если у народа есть духовные вожжи, – пишет Арсеньев, – Русский народ имеет духовных вождей в лице славянофилов” [11, с. 88]. Под их непосредственным влиянием и формировались его религиозные и философские взгляды. Бытие России как Отечества и государства осмысливалось им не только на прагматическом уровне, но искался высший смысл, особая миссия, служение некоей от Бога данной цели, которую нужно уяснить, которой должно следовать и служить. “*Запоздавшим родиться членом славянофильской семьи*”, живым собеседником Хомякова, Одоевского, братьев Киреевских называет его Ф. Степун. Но эту верность “заветам предков” пронес Арсеньев через всю свою жизнь. О Арсеньеве можно было бы сказать словами Франка (сказанными, правда, о другом видном

представителе русской эмиграции): “Он принадлежал к тем “*однажды рожденным*” натурам, которым дано непрерывно-постепенное, без духовных переворотов, прямолинейное развитие заложенных в них задатков” [20, с. 502].

Хронологически легко выделяются три периода (своеобразные “три цвета времени”) в жизни и творчестве Н.С. Арсеньева: условно их можно обозначить как *российский* (до 1920 г.), *немецкий* (кёнигсбергский – 1920–1944), *американский* (1946–1977). Но в отличие от многих старших соратников по русской религиозной философии (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др.), Арсеньев на своем жизненном пути не испытал коренной смены убеждений, глубинного кризиса или перелома. Наследие ученого многопланово (философия культуры, общая история и история религиозной жизни, история литературы и литературоведение, богословие и поэтические опыты и т.д.), но вместе с тем оно удивительно цельно. На протяжении всей своей жизни Н. Арсеньев сохранял верность усвоенным с юных лет воззрениям, в соответствии с которыми рассматривал историю культуры – как всемирной, так и отечественной. Тема России, ее истории, ее судьбы – пульсирующий центр всего его творческого наследия.

«Я жил, в общем, “на отлете” – в Восточной Пруссии, в Кёнигсберге...», – пишет Н. Арсеньев в “Дарах и встречах жизненного пути” [5, с. 188]. В своих воспоминаниях об этом периоде жизни он крайне лаконичен. С ноября 1920 г., в течение 24 лет (до ноября 1944 г.), – преподавал в университете на философском факультете, в качестве лектора русского языка и приват-доцента, а потом “доцента”, потом “сверхштатного профессора” (Ausserplanmassiger Professor) по русской культуре и истории русской духовной жизни (Russische Geistesgeschichte), а также по истории религии (главным образом по истории мистики) вообще [5, с. 188]. В каникулярное время весной 1921 г. Н.С. Арсеньев читает два курса лекций (“Древние религии и раннее христианство” и “История мистики”) в Рижском университете. А когда в феврале 1923 г. в Берлине был открыт Русский научно-исследовательский институт, каждые две недели он ездил туда, а также в Религиозно-философскую академию для чтения лекций о религиях античности и о раннем христианстве.

Н.С. Арсеньев был одним из “ближайших сотрудников” основанного Н.А. Бердяевым еще в Берлине журнала “Путь”, создание и длительное функционирование которого стало замечательным явлением не только русской, но и общеевропейской культуры XX в. Активное сотрудничество Н.С. Арсеньева в журнале выразилось в ряде публикаций как аналитического, так и обзорно-информационного характера (“Пессимизм и мистика в древней Греции”, № 4/5; “О духе нашего времени”, № 6; “Движение к единению христианских церквей и проблема современного мира”, № 31 и др.).

Обращаясь к кёнигсбергскому периоду жизни и творчества Н.С. Арсеньева, следует особо подчеркнуть его деятельность как историка литературы и русской культуры XVIII–XIX и начала XX в. В связи с этим несомненно заслуживает внимания его книга *“Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen”* (1929). В основе ее лежит курс лекций, прочитанный в стенах Альбертины. Но *“Историю русской литературы Нового времени и современности...”* можно рассматривать и как специальное исследование, посвященное писательскому творчеству. В ней произведения русской литературы органически объединены с исторически развивающимися чертами русской духовной культуры в целом. Арсеньев разграничивает художественную словесность, выражающую религиозные уmonoстроения и объективно освещавшую уклад русской жизни, и литературу городской интеллигенции, которая отвергала национальные традиции, была политически радикальной, тенденциозной и в целом сыграла разрушительную роль и предварила большевизм. При этом Арсеньев проявил особый интерес к тем представителям русской литературной и интеллектуальной истории, чьим именам не всегда уделялось то внимание, которого они заслуживали, и кого он видел в этом контексте в новой перспективе.

“Das heilige Moskau” (1940) – вторая значительная работа Н.С. Арсеньева кёнигсбергского периода (книга первоначально издана на немецком, а затем переведена на французский язык). Она посвящена истории духовной культуры России, имеет подзаголовок: *“Картины религиозной и духовной жизни 19-го столетия”*. *“Москва Святая”* рисует прекрасный портрет российской столицы, постоянно пульсирующего центра российской культуры, ее духовности и религиозности, а также ее художественных форм, проявляющихся в архитектуре, музыке, поэзии, живописи и литургической эстетике. Российское общество представлено в ней как лицами российских богословов, философов, и других творцов, оставивших неизгладимый след в истории города, так и простых *“праведников”* (тех, как замечает Н.С. Арсеньев, кто с бесспорной моральной красотой были часто скромным украшением московского общества). Знаменательно, что обращенная непосредственно к немецкому читателю, книга появилась фактически в канун нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Названные работы Н.С. Арсеньева – своеобразный след, оставленный его преподавательской работой в Кёнигсбергском университете. На протяжении многих лет Н.С. Арсеньев прививал любовь к русской литературе поколениям иностранцев – студентов Кёнигсбергского университета. Небезынтересен и тот факт, что первая докторская диссертация, посвященная творчеству известного русского писателя Ивана Шмелева, была написана под руководством Н.С. Арсеньева и защищена в 1937 г. в Кёнигсбергском университете [2].

На протяжении столетий религиозное мировоззрение составляло ценностное ядро общественного сознания. Но рост промышленности, техники и вся производственная практика, а также войны и революции первой половины XX в. способствовали развитию рационализма и атеизма, сопровождались нарастающим процессом распада многих сложившихся веками представлений и ценностей, опирающихся на традиционное мировосприятие. Спасение авторитета религиозной веры в условиях кризиса духовных идеалов общества стало общей задачей религиозных мыслителей.

Живя и работая в Кёнигсберге, одновременно (с 1926 по 1938 г.) Н.С. Арсеньев был профессором по Новому завету, истории религий и сравнительному богословию на православном богословском факультете Польского государственного университета в Варшаве. В межвоенный период жизни и творческой деятельности Арсеньева вопросы религиозного, христианского православного миропонимания занимают одно из центральных мест, что находит свое отражение во многих его работах того времени (“Жажда подлинного бытия”, – Берлин, 1922; “Литургия и Таинство Евхаристии” – Париж, 1928; “Православие, Католичество и Протестантизм” – Париж, 1930; “Из жизни духа” – Варшава, 1935; “Религиозный опыт апостола Павла”, Варшава. 1935).

Для “мистика-реалиста” Арсеньева приобщение к Богу в религиозном опыте есть касание к “совершенной полноте бытия”.

«Есть глубины, которых издавна изредка касается человек. Они запрытаны, или, вернее, они близко, но человек от них прячется и ищет, намеренно или бессознательно, всяких преград и средоточия между собой и ими. Они его влекут вместе с тем; он знает, он чувствует, что есть какая-то основа, какой-то “задний фон”, – более того, что-то подлинно существующее, что не преходит. Он не “знанием” знает, что это есть, но потому, что вся его жизнь опирается на это, поддерживается этим, пронизана бесчисленными встречами с этим. Радость и духовная “соль”, т.е. смысл жизни, дается именно этими встречами. Ими определяется ценность жизни. Человек прикасается внутри своего “я” к источнику, который отнюдь не тождествен с его существом, а вытекает из иных – дивных, неисследованных глубин по ту сторону нашего “я” и всего нашего существования... От этого внутреннего “питания” души зависит вся ее судьба» [7, с. 59].

Н.С. Арсеньев был убежден, что существует некий высший смысл и непререкаемый внутренний закон творения и жизни, как жизни мира, так и жизни человека. Основные мотивы и обоснование этой убежденности он изложил в своем учении о Логосе Божием. Логос понимается не только как основа творения вообще, но и как средоточие истории человечества, как специфический духовный центр, невольно притягивающий всякого человека, приходящего в мир. Воплощенный Логос Божий, воплощенное Слово Божие, по глубочайшему убеждению Арсеньева, есть центр истории мира. В Логосе – все обетования Божии, в нем осуществляется план

Божий о мире. В Логосе решающим образом раскрылась и вошла в мир воплощенная Любовь Божия – основоположный закон и “задний фон” бытия всего мира. История духовных поисков человечества – это непрерывное искание реального, “подлинного бытия”, это жажда Христа.

По словам Н.О. Лосского, Н.С. Арсеньев принадлежал к мыслителям, вырабатывавшим “христианское миропонимание” и отстаивавшим “христианство как подлинно религию любви и свободы” [17, с. 211–212].

Как православный богослов и философ, Н.С. Арсеньев был сторонником “истинного экуменического движения”, всего, что возвышает без компромиссов в принципах, отвергая ошибочные тенденции некоторых его участников. Он считал, что движение за единение христиан не противоречит православию, а, наоборот, органически из него вытекает, так как, по его мнению, экуменическое движение является возвращением к раннему христианству, носителем же древнехристианского предания как раз и выступает Православная Церковь. Вслед за А.С. Хомяковым он подчеркивает идею соборного спасения и раскрывает духовную традицию Восточной церкви [14]. Будучи не лишен критического отношения к отдельным христианским конфессиям, Арсеньев всю свою жизнь стремился к подлинно христианскому единству.

“Он стремится не строить стены, а сокрушать их, не рыть канавы, но заполнять их, не хвастаться относительно предполагаемого превосходства, но отдавать должное всем родственным формам и выражениям христианской жизни” [3, с. 18].

И это делалось не в духе “просвещенного безразличия”, а по глубокому личному убеждению. «Здесь нет духа авантюристического дипломата Церкви, который ради достижения политической цели в своей работе может избегать утверждений и заявлений, ведущих к столкновению; вместо этого – дух справедливости (“справедливости” в библейском смысле), который способен не просто объяснять различные ошибки, но чувствовать общую правду и чувствовать это в милосердии: *Amo ut intelligam*» [3, с. 18].

“Жизнь на отлете”, по крайней мере первые десять лет, не мешала Н.С. Арсеньеву достаточно активно участвовать в жизни центров русской эмиграции (Париж, Прага, Берлин, Лондон), а также в экуменическом европейском движении, которое возникло в христианстве в начале XX в. и первоначально ставило своей целью объединение христианских церквей.

В дальнейшем нацистский Рейх стал подлинной ловушкой и для Н.С. Арсеньева, и для многих других русских эмигрантов... Русские философы-эмигранты, не по своей воле оказавшиеся за пределами своей страны и исповедующие разные взгляды (открыто ли ненавидя всё, что связано с “большевизмом”, или относясь к советской вла-

сти более терпимо и уповая на ее перерождение), были (в абсолютном большинстве своем) едины в главном: в любви к России. Эту любовь они пронесли через всю жизнь.

В годы войны Н.С. Арсеньев возглавлял в Кёнигсберге небольшую православную общину. О чем молились русские люди в Кёнигсберге, когда к нему приближалась Красная армия? Что было в то время на душе у православного русского дворянина и профессора Николая Арсеньева? Может быть, ответ на этот вопрос заключается в следующих его строках: “На наших глазах Россия и народы, населяющие Россию, пережили второй 1812 год. Подвиг русских людей в защите своей родины был глубоко национален и героичен. Героизм и подвиг не могут не всколыхнуть их, не оплодотворить душу народа” [4, с. 13]. В этих словах легко прочитываются и естественное человеческое чувство национальной гордости, и надежда на будущее Родины.

В ноябре 1944 г. Н.С. Арсеньеву удалось выехать из Кёнигсберга. В течение последующих двух лет он живет в Париже, читает лекции по истории русской религиозно-философской мысли в Богословском институте Св. Дионисия и в Сорбонне, а также в разных православных, католических и протестантских организациях Франции, Швейцарии и Бельгии. (Позднее Парижский Богословский институт присудит ему звание доктора богословия.) В 1948 г. профессор Арсеньев был приглашен в Нью-Йорк в Православную Свято-Владимирскую академию при Колумбийском университете.

В целом же Н.С. Арсеньева нельзя назвать богословом в профессиональном понимании этого термина. Главные интересы, надежды и устремления Арсеньева были связаны с ролью русской культуры в построении будущей России. Это одна из важнейших сторон творческого наследия Арсеньева как философа культуры, как историка русского культурного развития. Справедливо замечено, что это был философ культуры с “больным сознанием”: *“болезнь эта была всепоглощающей и всерадостной”*, так как называлась она Россией с ее трагической судьбой и с вечными ценностями ее культуры [13, с. 45–46].

Идея *“почвенной укорененности”* человеческого существования как уникального и незаменимого блага служит стержнем культурологии Н.С. Арсеньева. Его концепция русской жизни и культуры в значительной мере предварена суждениями Ап. Григорьева о *“святой любви к почве, к преданиям, к родному быту”*, давшей о себе знать в творчестве Пушкина, Гоголя, Тургенева; о том, что не подобает русским людям клеветать “и на себя, и на действительность”, на наш быт и наши души; что в русской жизни (как об этом свидетельствовал тургеневский образ Лаврецкого) есть предпосылки для формирования типа “развитого человека, твердо упирающегося в почву, на которой он родился, вырос и воспитался” [15, с. 317, 462, 440].

«Немо ли для нас и для будущей свободной России русское прошлое или есть живая связь, живая преемственность духовной жизни и духовного творчества? Вот вопрос решающего значения. Решающего от того, что не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти высь дерево, лишенное корней», – пишет Н.С. Арсеньев. – Без живой связи с прошлым прекращается творчески-поступательная жизнь народа. Ибо жизнь есть одно органическое нераздельное целое: нельзя его разрезать на куски и удовольствоваться отрезком настоящего, ибо получится кусок трупа. Можно ли отказаться от всего своего прошлого, от того, что его вдохновляло к жизни и творчеству не отказавшись от собственного “я”?».

И дальше патриотически настроенный исследователь продолжает свою мысль:

“Народ может и даже должен критически и вдумчиво-строго относиться к своему прошлому (как и к своему настоящему), но тем более должен он бережно чтить и любить те духовные питающие ценности, которыми он жил, те основы, из которых выросло лучшее, что он создал. Только то, что укоренено в почве, истинно динамично и жизненно” [4, с. 9].

Почвенничество Арсеньева (и это существенно), отмечено историзмом – пониманием жизни народа и общества как неизменно меняющейся и обогащающейся, как нескончаемой цепи творческих деяний. Творчество и верность традиции (в отличие от Н.А. Бердяева) в арсеньевской культурологии – это взаимно предполагающие и дружественные друг другу начала человеческого бытия. “Народ живет из корней духовных и физических, как и дерево растет из корней, т.е. из жизни традиции. Без традиции нет истории, нет жизни народа, но традиция эта динамична, она устремлена вперед и уходит вглубь. Есть единая духовная органическая жизнь народа, полная борьбы, взлетов и падений, достижений и неудач, тяжких грехов и подвигов праведности, но в своем лучшем питавшаяся из ценностей духовных, которые выше народа, и связанная с духовным лицом, с психологическими предпосылками и со всей историей народа” [4, с. 7–8]. Арсеньев считает необходимым “критически расценивать эту историю, эту традицию, и с любовью беречь и “культивировать” то ценное, что она произвела, и творить новую жизнь и новые ценности духовные... не в рабском внешнем подчинении или подражании, а в динамическом росте”. В этом он видит *смысл культуры*. Культура определяется источниками, ее питающими, и целями, к которым она устремлена, и “живую тканью исторической преемственности и личного усилия и подвига, подвига как отдельных лиц, так и целого народа” [Там же.]. Арсеньев говорит о *болезненности “разрывов” культурной преемственности*, причины которых усматривает, во-первых, в насильственных акциях – революциях, всегда “бесплодных и убогих”, ибо они рождаются из ненависти, и, во-вторых, “в духовном оскудении” общества... В ситуациях “культурных разрывов” защитники традиции “не менее виноваты, чем поносители и враги” [6, с. 145].

Русская интеллигенция в XIX в. делилась на “западников” и “славянофилов”. Для европейски образованного русского мыслителя Н.С. Арсеньева чужда позиция воинственного противостояния лучшим достижениям европейской культуры. Свои книги и статьи он писал на английском, французском, немецком языках. Он был сердечно связан с духовным наследием Родины, но ему дороги были и русское прошлое, и культурные ценности Запада. Ученик российских славянофилов, Н.С. Арсеньев был влюблен в “священные камни Европы” (да и классики славянофильства вовсе не страдали ксенофобией). Видя в России определенную антитезу Западу, они тем не менее не закрыли пути к *синтезу*, который осуществили уже русские философы XX в. Культурный синтез – одна из главных идей Н.С. Арсеньева. Очень точно о своем коллеге сказал профессор С.А. Зеньковский: “Он был и славянофилом по своей приверженности к русской традиции и русской церкви, и западником, зная, понимая и ценя лучшее, что было создано в романо-германской Европе” [9, с. 10]. Для Н.С. Арсеньева, как верно замечает В.Е. Хализев, характерно в большей мере “сопрягающее”, нежели “альтернативное” мышление, мышление, избегающее резких противопоставлений и оценочно-поляризующих суждений [19, с. 102]. Он настойчиво стремится сблизить разные эпохи и разные культуры (будь то эллинизм и христианство, средние века и новое время, Россия и западноевропейские страны, Восток и Запад). Доброжелательное и благодарное приятие мировой культуры во всей ее разнокачественности и богатстве проявлений делает арсеньевскую историческую культурологию заряженной энергией объединения наций, регионов, эпох. Мировая культура предстает не в качестве арены антагонизмов, а, напротив, как некая *совокупность дружественных подобий*, своего рода вариаций (надэпохальных и транснациональных) на общие для всего человечества темы.

Культурология Арсеньева получила обоснование в его работах о русской жизни, где говорится как о “женственной душе” России, так и о силе ее Духа:

“Героизм в соединении с простотой и смирением можно определить как тот идеал, который русский народ видит перед собой всегда, если только его душа не целиком оторвана от своих истоков”, истоки же эти – “в смиренной духовной трезвости православия” [1, S. 124].

Есть у Н.С. Арсеньева и очень важная статья – “*Стихия возбужденного хаоса и жажда благообразия у Достоевского*”. “Стихия”, о которой он говорит, действительно, как пожар, часто гуляла по Руси. Но хаос нельзя победить извне, считает Арсеньев: его можно упорядочить, кристаллизовать лишь изнутри – ростом духовности, накоплением благодетства. Начальную точку такой “кристаллизации” он видит в *семье*, живущей по Евангелию: в полноте взаимного служения и любви. Русская семья строится

христоцентрично – и это для нее нечто предельно естественное, органичное. “Так было когда-то – и так бывает сейчас: между членами семьи устанавливается то ясное согласие, каким дышит на нас рублевская Троица”, замечает уже современный автор, одним из первых обратившихся к наследию русского мыслителя [10, с. 130]. Корни русской духовности Арсеньев искал в недрах повседневного быта. Подробно характеризуются им “*красота, уют и внутренняя теплота патриархальной семейной жизни*”, которая стала в России своего рода “*домашней церковью*”. Мы привыкли противопоставлять Храм как нечто сакральное, высокое и Дом как нечто профанное, обыденное. Однако наши предки умели смягчать этот разрыв, для них и домашняя жизнь была освящена веяньем благодати. Есть понятие, ныне забытое, но очень существенное для понимания русского духа: “*бытовое благочестие*”. Это своеобразное освящение обрядом самых простых вещей – будь то прием пищи, работа на земле, встреча гостя. Причем, освящение целостное, охватывающее все уровни и этапы жизни – от рождения до смерти. Наше участие в святом деле “преображения” жизни должно начинаться, по мысли Арсеньева, с “малого” – *быта и семьи*. Как подчеркивает Арсеньев, в “бытовом благочестии” снимается, преодолевается противостояние “неба” и “земли”: горнее соприкасается с дольным, что придает жизни особую красоту, особую значительность.

Эта проблематика наличествует во многих работах Н.С. Арсеньева, но особенно концентрированно она присутствует в его книге “Из истории русской культурной и творческой традиции”, о которой Ф. Степун сказал, что она особенно хороша: в ней автор так до конца сливается со своим предметом, с Россией, что на протяжении многих страниц читателю кажется, что не Арсеньев говорит с ним о России, а сама Россия повествует ему о себе.

Как и многие другие русские религиозные мыслители, Н.С. Арсеньев искал *гармонию “горнего и дольного”*, небесного и земного, но делал это по-своему, будучи убежденным, что связующим началом такой гармонии является “*красота*”, понимаемая в ее наиболее “духоносных и светлых” проявлениях. Искание и обретение “духовной красоты мира и надмирного” – своеобразная доминанта творческой жизни мыслителя. Уверенный, что “просветление тварного, земного... лучами свыше – одна из центральных проблем духовной жизни человечества”, он утверждает, что красота призвана умиротворять и одновременно пробуждать томление, что ее значение не только утешительное, но прежде всего “будущее”. Красота лишает человека покоя, порождает “творческую тоску”, “вызывает душу на активность” и “требует ответа”. Искусство при этом осознается (в противовес кантовской и романтической эстетике) не столько в качестве сотворения прекрасного, сколько как “схватывание” и закрепление той красоты,

что “преподносится душе” самой реальностью [8, с. 44]. Мировоззрение Арсеньева окрашивается в эстетические тона. Как и для Франка, для него искусство, будучи выражением, есть и воплощение: в нем духовное облекается плотью, как бы внедряется в материальное и является в нем как его форма. В этом и состоит существо творчества. “Профессор Арсеньев с юности возлюбил Божественное в Красоте” [12, с. 184]. По мнению философа, красота указывает на присутствие в мире сокровенного смысла, через нее с высших планов бытия на низшие “изливается свет несказанный”. Н.С. Арсеньев говорит о “будущем” значении красоты. Лишь тот, чья душа пробудилась для приятия стоящих за красотой первоначал, может участвовать в спасении мира – и это спасение мыслится как Преображение. “*Преображение*” является одной из главных категорий в мышлении Арсеньева, наполняясь не только непостижимо-мистическим, но и вполне конкретным, даже заземленным содержанием. Он убежден, что уже здесь и сейчас, в своих поступках и мыслях, люди могут и должны предуготовлять грядущее Преображение.

Таким образом, мировоззрение Н.С. Арсеньева с необходимостью приобретает не только эстетическую, но и оптимистическую окраску, а на первый план выдвигаются проблемы духовной культуры. Именно эта сторона творческого наследия мыслителя менее всего утратила свою актуальность и, более того, в условиях переживаемого современным обществом системного и духовного кризиса, продолжает вызывать все больший интерес.

* * *

Последняя треть жизни Н.С. Арсеньева прошла в Соединенных Штатах Америки. В Православной Свято-Владимирской академии, ставшей самостоятельным высшим учебным заведением, он преподавал вместе с такими известными мыслителями, как Н.О. Лосский, о. Г. Флоровский, Г.П. Федотов, Е.В. Спекторский, о. А. Шмеман, С.С. Верховский, о. И. Мейендорф и др. Одновременно на протяжении ряда лет он был профессором (по истории русской культуры) в Université de Montreal в Канаде; летом 1955 и 1957 гг. в течение летнего семестра читал лекции по истории русской культуры и русской религиозной жизни как Gastprofessor Боннского университета; зимою 1960–1961 гг. – в Венском университете, летом 1963 г. – в Грацком университете (Австрия) и летом 1965 г. – в Мюнхенском.

С 1971 г. до своей кончины Н.С. Арсеньев был председателем русской академической группы США и одним из основателей нью-йоркского издания. “Записки русской академической группы в США”. Продолжал писать и публиковаться до самых последних лет жизни.